

О ВРЕМЕНИ СТАНОВЛЕНИЯ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

(К постановке проблемы)

К. Х. КУШНАРЕВА (Ленинград)

Обильный поток новой информации, приносимый ежегодно археологическими раскопками на Кавказе, заставляет вновь вернуться к вопросу о времени становления пашенного земледелия в этом регионе. Проблема эта имеет несколько аспектов и не может быть даже поставлена в рамках одной археологической науки; лишь привлекая данные палеоботаники, палеоэкономики, лингвистики, этнографии, фольклора, мы в той или иной мере приблизимся к ее посильному решению.

К какому же этапу древней истории племен Кавказа должны быть приурочены самые первые шаги пашенного земледелия? В конце 40-х гг. было высказано мнение, что примитивный плуг в Закавказье был введен в преархартское время, причем его появление в определенной мере связывалось с применением плуга в Ванском царстве¹. Эта точка зрения в дальнейшем подтвердилась серией весьма выразительных археологических фактов. Вместе с тем хорошо известно, что появлению плуга в разных регионах предшествовал длительный период использования примитивных пахотных орудий. Начало этого способа обработки земли на Кавказе, согласно мнению ряда археологов, восходит к III тыс. до н. э.² В свое время к этой хронологической оценке примкнул и автор настоящей статьи³.

В настоящий момент в постановке сложной проблемы первых шагов пашенного земледелия на Кавказе принципиальную, решающую роль играют некоторые материалы из раннеземледельческих поселений V — IV тыс. до н. э. В целом же для Кавказского региона этот сложный вопрос необходимо рассматривать, с нашей точки зрения, не изолированно, а в непосредственной связи с комплексом ближневосточных данных, так

¹ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 71; его же, Основные этапы древнейшего земледелия в Армении, «Историко-филологический журнал», 1961, № 3—4, стр. 71, 115.

² В. Г. Котович, К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, «Ученые записки Института языка и литературы», т. IX, Махачкала, 1961; его же, О хозяйстве населения горного Дагестана в древности, СА. 1965, № 3, стр. 9; О. А. Джапаридзе, К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры (автореферат докт. дисс.), Тбилиси, 1962; ალ. ჯაპარიძე, მ. თაყაიშვილი, უძველესი სოფლის მეურნეობის ძეგლები, 1962, стр. 61, табл. XXXIII.

³ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970, стр. 106 и др.

как древнее население Армянского нагорья и Южного Кавказа, географически слитых с территорией Передней Азии, находилось в состоянии постоянного культурного обмена со своими южными соседями и воспринимало все важнейшие достижения их высокой цивилизации.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные по Ближнему Востоку несут двоякую информацию. Сведения первого рода прямо указывают на широкое распространение пашенного земледелия в конце IV—III тыс. до н. э. Речь идет об изображениях большой серии древних пахотных орудий на шумерских и протоэламских пиктограммах, а также на месопотамских цилиндрических печатях⁴. Самые ранние изображения этих орудий помещены на пиктограммах Урука IV, позднее они встречаются в Кише и в других городах Шумера.

Древнейшим археологически документированным типом пахотного орудия, первичное распространение которого связано с территорией Передней Азии, является двурукоятное кривогибельное рало. Свое происхождение это орудие ведет, скорее всего, не от мотыг, а от палок-копалок, соединенных на каком-то этапе попарно и образовавших впоследствии сочленение — ральник, т. е. рабочую часть пахотного орудия, разрывающую землю. Предпринятые на основании изображений реконструкции дают некоторое общее представление о технических возможностях и функциональных качествах этих орудий⁵. Они были еще весьма примитивными и давали относительно малый эффект в работе. Первоначальная прямая конструкция ральника позволяла лишь бороздить землю, не разбрасывая ее по обе стороны. Только впоследствии, с появлением кривой рабочей части, процесс вспашки был несколько усовершенствован. И все же применение таких орудий было возможно, по-видимому, лишь для обработки мягкой, умеренно увлажненной земли. Обработка же твердых, каменистых или сильно увлажненных почв требовала предварительной вскопки ручными орудиями.

О том, что мотыжная обработка земли сосуществовала с использованием упряжных пахотных орудий, мы знаем, например, по изображениям на египетских фресках Древнего царства⁶ или по древнегреческим рисункам⁷. В Шумере это «содружество» запечатлено известным «Спором Мотыги с Плугом»:

«Я иду впереди тебя. Плуг, на поле,
Разрыхляю для тебя открытые поля,
Выравниваю (?) для тебя борозды рвов,
Убираю перед тобой комья и корни с поля,
Приготавливаю (?) поле для (твоей) работы»⁸.

⁴ Ю. А. К р а с л о в, Древнейшие упряжные пахотные орудия, М., 1975, стр. 176

⁵ Там же, рис. 5.

⁶ «Возникновение и развитие земледелия», М., 1967, рис. 3, 5.

⁷ Р. В. Ш м и д т, О мотыге в античном сельском хозяйстве, «Проблемы истории материальной культуры», № 9—10, 1933, стр. 49.

⁸ С. Н. К р а м е р, История начинается в Шумере, М., 1965, стр. 97.

Вторая группа свидетельств сводится к сумме косвенных данных и различных соображений, как будто позволяющих утверждать наличие пашенного земледелия в передовых странах Ближнего Востока по крайней мере уже с V тыс. до н. э.⁹ Эти данные и предположения, лежащие не только в сфере археологии, но также этнографии и лингвистики, суммируются следующим образом. 1) Первые пахотные орудия возникли предположительно при переходе к ирригационному земледелию, самый ранний возраст которого определяется VI тыс. до н. э.¹⁰ 2) Шумерские названия пахотных орудий относятся к числу древнейших слов, обозначающих культурные явления в языках древнего Востока; их употребление предположительно датируется серединой VI тыс. до н. э.¹¹ 3) Умение использовать тяговую силу животных, которая могла иметь применение в первую очередь в земледелии, фиксируется находками глиняных колесиков от лозозок во многих древнеземледельческих поселениях Передней Азии VI — IV тыс. до н. э. Обмолот зерна с помощью тяговой силы подтверждает также характер излома вымолоченных в древности колосьев (Чатал-Гуок¹²). 4) С пашенным земледелием предположительно связывается появление примерно в это же время изогнутых серпов (Хассуна, Хаджилар, Джармо), сменивших жатвенные ножи с прямой основой¹³. 5) Древнейшие документы урукского архива конца IV тыс. до н. э. упоминают уже значительное количество пахотных орудий¹⁴, а в документах Джемдет-Насра (начало III тыс. до н. э.) имеется термин «дом плугов» — особое хранилище пахотных орудий. 6) Достаточно сложное устройство древних рал, изображения которых в большом количестве появились в шумерских и эламских пиктограммах этого времени, является косвенным показателем существования их более ранних примитивных прототипов¹⁵.

Высокий уровень аграрного хозяйства населения Переднего Востока в VI—IV тыс. до н. э. становится ясным не только из приведенной суммы данных. Его достаточно выразительно документирует и широкий ассортимент возделываемых здесь зерновых, масличных и других культур (различные виды пшеницы и ячменя, рожь, лен, горох, чечевица)¹⁶,

⁹ Ю. А. Краснов, указ. соч., стр. 59.

¹⁰ A. Salonen, *Agriculture Mesopotamica nach Sumerisch-akkadische Quellen*, Helsinki, 1968, стр. 27—28.

¹¹ Ю. А. Краснов, указ. соч., стр. 53.

¹² H. Helbaek, *Cereals and wild in phase A*, в кн.: R. Braidwood, *Excavations in the plain of Antioch*, Chicago, 1960, стр. 543.

¹³ Ю. А. Краснов, *Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы*, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 174, 1971, стр. 35.

¹⁴ А. И. Тюменев, *Государственное хозяйство древнего Шумера*, М.—Л., 1936, стр. 39.

¹⁵ Ю. А. Краснов, *Древнейшие упряжные пахотные орудия*, стр. 51.

¹⁶ Г. Н. Лисицина, Л. В. Прищепенко, *Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока*, М., 1977, стр. 30.

а также крупные масштабы и специфический характер целого ряда поселений, основу процветания которых составляло земледелие.

Тщательное исследование всех прямых и косвенных данных показывает, что ареал первоначального распространения древнейшего из известных пахотных орудий — двурукоятного кривогибильного рала был ограничен рамками Месопотамии, включая территорию Ассирии и Элама¹⁷. Однако, как справедливо полагает Ю. А. Краснов, «сложившись в определенных физико-географических и социально-экономических условиях на определенной территории, у определенного народа или народов, основные особенности конструкции (рал, — К. К.) сохраняются длительное время не только в данном регионе, но и на других территориях, куда это орудие попадает вместе с передвижением народа или, что случается гораздо чаще, путем заимствования»¹⁸.

Древнейшее месопотамское рало оказалось чрезвычайно долговечным, на что указывает любопытный факт сохранения его в несколько усовершенствованном виде до настоящего времени фактически в том же ареале. Примерно таким орудием и сейчас пахут крестьяне в районе Междуречья и древних Суз¹⁹. Вместе с тем есть основание считать, что границы его применения в древности могли быть значительно более широкими и охватывали страны, находившиеся в сфере влияния месопотамской культуры. Таковым, в первую очередь, мог быть соседний Южный Кавказ, в культурно-историческом плане теснейшим образом связанный с Передне-восточным миром. В связи с таким предположением чрезвычайный интерес вызывают определенные этнографические материалы, обнаруженные на Кавказе. Есть, в частности, сведения о том, что еще до недавнего времени в некоторых горных уголках Грузии земледельцы пользовались примитивными пахотными орудиями, близкими к древнемесопотамским ралам²⁰. Г. С. Читая, в частности, прямо указывает на то, что определенный тип абхазского орудия восходит к шумерским образцам. Весьма архаичный облик имеет деревянный плуг, которым и сейчас обрабатывают террасные поля в горном Дагестане²¹.

О том, что рассматриваемый тип древнего рала мог проникнуть на Кавказ в очень раннее время, вскоре после появления его в «метрополии», свидетельствует повсеместное распространение в I тыс. до н. э. на Переднем Востоке различных вариантов пахотных орудий иного типа

¹⁷ Ю. А. Краснов, Древнейшие упряжные пахотные орудия, стр. 34, 47.

¹⁸ Там же, стр. 8.

¹⁹ A. G. Haudricourt, M. J. Delamarée, L'homme et charrue a travers le monde, Paris, 1955, рис. 30; C. E. Feilberg, Ausmerian plough surviving in our time, „Etnos“, 1938, стр. 85.

²⁰ Г. С. Читая, Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии, «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, рис. 1—2; გ. ჯაღაძე, აღმოსავლეთ საქართველოს სამეწარმეო იარაღების ისტორიისათვის, თბილისი, 1960, стр. 27, рис. 2.

²¹ З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг, Горные пахотные орудия Дагестана, СА, 1952, № 4, стр. 94.

(полозные и грядильные рала), проникших сюда из Восточного Средиземноморья и вытеснивших господствовавшие здесь древнейшие пахотные орудия²². В связи с этим можно предполагать, что внедрение в кавказскую этническую среду этого кардинального агротехнического изобретения произошло до того, как древнейшие месопотамские рала были заменены орудиями, проникшими сюда из Средиземноморья.

Закавказье, территориально примыкающее к этим районам Передней Азии, пока не предоставляет археологам столь полной серии данных о применении расселенными здесь в V—IV тыс. до н. э. общинами пашенной обработки земли. Вместе с тем среди интенсивно накапливаемых археологических фактов в последнее время появляются и такие, которые при попытке пересмотра вопроса о времени возникновения здесь пашенного земледелия должны быть непременно использованы. И в этом плане фактом первостепенной важности следует считать бесспорное существование у местных земледельцев уже в V—IV тыс. до н. э. искусственного орошения, что ставится исследователями в прямую связь с применением пашенной обработки земли.

Действительно, теоретически очевидно, что занятие земледелием, процветавшим, как мы знаем, в этот период в условиях приближающегося к современному жаркого засушливого климата Армянского нагорья и соседних областей Южного Кавказа, так же как и в Месопотамии, без искусственного орошения было невозможным²³. Недавно в распоряжение исследователей поступили и конкретные археологические факты, проливающие некоторый свет на время зарождения и характер первых оросительных устройств в Закавказье. Речь идет о раскопках шулаверской группы поселений, расположенной у слияния рек Храми и Шулаверис-геле²⁴. Первые шаги в освоении земель здесь наиболее ярко документируют материалы древнейшего из четырех поселений — Шулаверис-гора, своими нижними слоями уходящего в VI тыс. до н. э. Дело в том, что в числе различных хозяйственных конструкций этого поселения, находившихся около жилых построек, были обнаружены маленькие цилиндрические или конусообразные глиняные помещения, квалифицированные археологами как резервуары для хранения воды. Кроме того, скопление таких емкостей находилось в северо-восточной части раскопа, где, как предполагают, жилых помещений как будто не было²⁵. Указанное обстоятельство, а также удаленность поселения на 700—800 м от речки Шулаверис-геле, которую в случае искусственной подачи воды следовало бы запрудить, а воду по каналам подвести к поселению, ка-

²² Ю. А. К р а с н о в, Древнейшие упряжные пахотные орудия, стр. 50, 178.

²³ Հ. Ա. Մ ա Ր Տ ի Ր Ո Ս Յ Ա Ն, Թ. Մ. Բ ո ղ Ո Ս Յ Ա Ն, Հայաստանի էնեոլիթյան մշակութի մեկնարանման հարցի շուրջը, «Вестник» АН АрмССР (обществ. науки), 1967, № 3.

²⁴ И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э., Тбилиси, 1973, стр. 10.

²⁵ «Հայաստանի արքեոլոգիայի և էթնոգրաֆիայի ինստիտուտի տարեգրություն» (1965—1971 թթ.)⁴, ԹԽՍՀՄ, 1976, стр. 15.

жется, может говорить о том, что в этот древнейший период жизни района, связанный с первичным его заселением земледельцами, искусственная регулировка воды еще отсутствовала. В противном случае вода из реки была бы переброшена на поселение, и тем самым отпала бы необходимость ее бережного хранения в специальных резервуарах²⁶.

По-видимому, первые шаги искусственного орошения относятся ко времени заселения Имирис-гора, отпочковавшегося от поселения Шулавери вследствие возросшей численности населения. Это предположение находится в прямой связи с исчезновением на Имирис-гора и в последующих по времени поселениях квемо-шулаверской группы упомянутых глиняных резервуаров. Кроме того, вокруг подошвы холма Имирис-гора была открыта выемка, которая, как предполагают, служила своеобразным хранилищем для воды, являвшимся частью древней оросительной системы.

Поселение Имирис-гора не выходит за рамки V тыс. до н. э. Не позднее этого времени в небольшом соседнем районе возникло поселение Арухло I, следы искусственной регулировки воды около которого были прослежены значительно более отчетливо. Поселение, как показали проложенные у подножья холма многочисленные траншеи, было окружено в древности двумя каналами-рвами, существовавшими не одновременно²⁷. Более древний наружный канал, имевший субтрапецевидную форму, периодически, во время весенних паводков, заполнялся водой, что было доказано результатами пыльцового анализа образца осадочной глины, взятого с его дна. Здесь среди большого количества водных растений 20% приходилось на водный папоротник и осоку, 11% на рогоз и 9% на тростник. Общее количество травянистой пыли достигало 60%, а древесной — 13%, что указывает на оседание гумусного слоя под действием проточных вод²⁸.

Функциональное назначение этих сооружений выявлено специально проводившимися в поселении Арухло работами палеогеографа Г. Н. Лисициной. «Четкая искусственная форма линзы, — пишет она, — вскрытой в траншее № 13, ее размеры, соответствующие стандартам оросительных каналов сопредельных районов аридной зоны, характер ее вреза и заполнение позволяют высказать предварительное мнение о том, что в данном случае мы имеем дело не с рвами, окружавшими поселение, а с оросительным каналом. Этот канал, по-видимому, подводивший воду непосредственно к Арухло, функционировал, однако, сравнительно непродолжительное время, поскольку отсутствуют какие-либо следы его перестройки, что весьма характерно для районов с древней культурой ирригационного земледелия»²⁹.

²⁶ Я. А. Киквидзе, Земледелие и земледельческие культы древней Грузии (автореферат докт. дисс.), Тбилиси, 1975, стр. 15.

²⁷ К. Х. Кушгарева, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., стр. 22.

²⁸ Т. Н. Чубинишвили, К древней истории Южного Кавказа, Тбилиси, 1971, стр. 31.

²⁹ Г. Н. Лисицина, Отчет о поездке в 1972 г. в Закавказье (рукопись).

Внешний канал поселения Арухло, направление которого на одном участке не соответствует очертаниям холма и ориентировано в сторону поля, является, по-видимому, одним из звеньев древней ирригационной системы. Очевидно, в этом районе некогда действовала сеть каналов, забиравшая воду из реки Машавера. Любопытно, что в настоящее время вокруг поселения Арухло I функционирует система современных оросительных каналов, водоразбор которых расположен на том же левом берегу реки. Один из них проходит над древним каналом поселения, причем пыльцовый анализ глины с его дна оказался идентичным анализу глины из канала, существовавшего в V тыс. до н. э.

В плане рассматриваемой проблемы весьма примечателен и состав возделывавшихся в этот период в Закавказье растений. Среди них — мягкая пшеница, шестирядный ячмень, виноградная лоза, выращивание которых возможно только в условиях искусственного полива³⁰. В итоге вырисовывается картина, близкая существовавшей в более южных широтах: в Закавказье в V тыс. до н. э., так же как и в Передней Азии, практика орошаемого земледелия зафиксирована серией достаточно весомых данных.

Еще одним косвенным показателем применения уже в этот период пашенной обработки земли может служить использование в кавказской среде тягловой силы животных. Последнее документируется единичными находками маленьких глиняных колесиков от миниатюрных моделей повозок (Кюль-тепе I, Арухло — V—IV тыс. до н. э.). Реконструировать древние повозки позволяют глиняные модели из поселения Арич в северо-западной Армении, относящиеся, правда, уже к III тыс. до н. э.³¹ Модели повозок здесь оказались в комплекте с глиняными фигурками бычков, что в свою очередь позволяет интерпретировать такие же фигурки бычков из более ранних поселений Техута³² и Абелия³³ как изображения упряжных животных, игравших, очевидно, уже в этот период определенную роль в земледельческом хозяйстве местного населения.

Наконец, как полагают, в прямой зависимости от способа обработки земли находились и орудия уборки урожая. Весьма показательно в этом плане явное преобладание вкладышей серпов над другими видами орудий в ряде ключевых раннеземледельческих поселений Закавказья. И здесь особенно важно, что большая часть статистических данных получена методом трассологии, дающим наиболее объективные оценки. Так, было установлено, что в поселении Аликемек-тепеси вкладыши сер-

³⁰ H. Helbaek, Ecological Effect of Irrigation in Ancient Mesopotamia, "Iraq", v. XXII, 1960, стр. 189; Г. Н. Лисицина, Л. В. Прищипенко, указ. соч., стр. 40.

³¹ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, Ереван, 1976, рис. 35.

³² А. В. Перришян, *Բնակավայրի վաղ երկրագործական բնակավայրը, Երևան, 1976*, рис. 101.

³³ К. Х. Кушнарeva, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., рис. 7 и 9.

пов составляли 32% всех каменных орудий³⁴, в Шулаверис-гора—25%³⁵, в Шому-тепе — 24%³⁶. Изученные же типологически вкладыши серпов со стоянки Чхортоли составили 40%, а из Гаргалар-тепеси, Тойре-тепе и Баба-дервиш — соответственно 13,4, 12,4 и 14,2%. По-видимому, в трех последних поселениях вкладышами служили также так называемые пластины из обсидиана, четкое функциональное назначение которых не исследовалось пока под микроскопом³⁷.

Следует также отметить наметившуюся уже в этот период кривизну серпов, отличающихся от архаичных жатвенных ножей с прямой основой. Наиболее полно серия серпов нового типа представлена азербайджанскими находками³⁸. Правда, они далеки еще от классических изогнутых серпов Джармо³⁹, Хассуны⁴⁰ и Хаджилара⁴¹, приводимых исследователями как доказательство возможного существования пашенного земледелия на Переднем Востоке. Однако, как было экспериментально установлено, по своей продуктивности закавказские серпы шому-тепинского типа лишь в полтора раза уступают современным металлическим серпам⁴².

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что уже сегодня в распоряжении исследователей имеется комплекс косвенных данных (наличие искусственного орошения, применение тягловой силы, значительное количество прогрессивных жатвенных орудий), которые, как и передневосточные данные, позволяют говорить о зарождении в закавказской среде пашенного земледелия по крайней мере с конца V—начала IV тыс. до н. э. На этом фоне особый смысл приобретает интереснейшая находка, сделанная недавно в Грузии, в поселении Арухло I⁴³. Это кусок рога благородного оленя длиной 67 см с обрубленными ветвями и обло-

³⁴ Р. Б. Аразова, Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана (автореферат канд. дисс.). Баку, 1974, стр. 27.

³⁵ Г. Ф. Коробкова, Т. В. Кигурадзе, К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-гора, «Краткие сообщения Института археологии», вып. 132, 1972, стр. 53.

³⁶ Р. Б. Аразова, Вкладыши серпов из поселения Шому-тепе, «Доклады» АН АзССР, 1974, № 5; ее же, Каменные орудия..., стр. 27.

³⁷ Р. Б. Аразова, Каменные орудия..., стр. 26.

³⁸ И. Г. Нариманов, О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане, — «Советская археология», 1971, № 3, рис. 6.

³⁹ R. J. Brandwood, The Near East and Foundations for Civilization, Oregon, 1952, рис. 13.

⁴⁰ S. Lloyd, F. Safar, Tell Hassuna, „Journal of Near Eastern Studies“ v. IV, 1945, № 4, рис. 37.

⁴¹ J. Mellaart, Excavations at Hacilar, 1960, Fourth Preliminary Report, „Anatolian Studies“, v. XI, 1961, табл. iVa.

⁴² Г. Ф. Коробкова, Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда, Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». Тезисы докладов, М., 1974, стр. 14.

⁴³ ტ. ნ. ჩუბინაშვილი, ახალი მასალები ქვემო ქართლის ადრესამეზოქმედო კულტურის ისტორიისათვის, „ძეგლის მეგობარი“, № 33, თბილისი, 1973, стр. 17.

маным концом; концевая (обломанная) часть рога оказалась сработанной, а поверхность ее на участке 10—15 см — залощенной. Эти особенности орудия навели исследователей на мысль о возможном применении его в качестве примитивной сохи. Две реконструкции, предложенные этнографом Г. В. Джалабадзе, основаны на том, что орудие имеет рабочую часть и рукоятку; в первом случае рог-соха должен был соединяться при помощи деревянного дышла с животным, во втором — с идущим впереди человеком.

Забегая несколько вперед, напомним еще об одной роговой сохе, обнаруженной в поселении Квацхелеби; эта находка документирует применение на Кавказе подобных орудий и в III тыс. до н. э.⁴⁴ Трактовка ее как ритуальной отнюдь не снимает вопроса об использовании таких орудий для обработки земли. Ритуал, как известно, лишь закрепляет различные явления материальной жизни. Весьма интересно и важно, в смысле живучести глубинных традиций, что древнейшая арухлинская соха по форме и размерам очень напоминает пахотные орудия Южной Грузии, доживающие кое-где до современной этнографической действительности⁴⁵.

Редкость находок роговых пахотных орудий, с одной стороны, и некоторые этнографические данные, с другой, позволяют предположить, что наряду с роговой сохой на Кавказе, так же как на Переднем Востоке, широко использовались деревянные орудия, сохраняющиеся в редчайших случаях лишь в особых почвенных условиях⁴⁶. Повсеместное использование на Кавказе мотыг различных типов, являющихся неперенным элементом каждого археологического комплекса V—IV тыс. до н. э., отнюдь не снимает вопроса о существовании в этот период первых пахотных орудий. Необходимость широкого применения мотыг может свидетельствовать о большой примитивности и несовершенстве этих орудий. По-видимому, последние были приспособлены лишь для бороздчатой обработки земли. Можно думать, что на Кавказе, как и в Месопотамии, твердые каменистые и сильно увлажненные почвы предварительно подвергались обработке мотыгами, после чего на полях проводились борозды.

При изучении кавказского археологического материала III тыс. до н. э. обращает внимание значительное нарастание ряда косвенных факторов, указывающих на дальнейшее развитие пашенного земледелия. Среди этих факторов — резкое сокращение, по сравнению с комплексам предшествующего периода, количества мотыг, что может быть поставлено в прямую связь с усовершенствованием устройства пахотных

⁴⁴ Э. О. ჯავახიშვილი, ლ. ო. მუხომბი, указ. соч., табл. XXXIII, II, стр. 61.

⁴⁵ Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., стр. 98.

⁴⁶ С. А. Семенов, Происхождение земледелия, Л., 1974, стр. 212; Ю. А. Краснов, Древнейшие упряжные пахотные орудия; О. М. Приходнюк, Некоторые аспекты изучения раннеславянской экономики, «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.», М., 1972, стр. 104.

орудий. В чем оно заключалось, сказать сейчас трудно. В Месопотамии, в частности, судя по изображениям на поздних цилиндрических печатях⁴⁷, таким усовершенствованием было появление некоторой кривизны рабочей части орудия, что значительно облегчило ее вхождение в обрабатываемую почву.

Кавказские мотыги III тыс. до н. э. имеют небольшие размеры; они, очевидно, служили не только для предварительной обработки неблагоприятных почв, но и для рыхления комьев земли после вспашки, как это практиковалось в других странах древнего мира. В горных районах Кавказа такой способ рыхления встречался еще недавно⁴⁸.

К факторам того же порядка следует отнести появившиеся повсеместно в поселениях куро-араксинской культуры колесики от миниатюрных моделей повозок. Как говорилось выше, маленькие глиняные повозки, служившие в качестве ритуальной утвари святилищ, были недавно открыты в Ариче⁴⁹. Аричские повозки представлены тремя типами, что является несомненным показателем достаточно развитой колесно-транспортной службы, обеспечивавшей в III тыс. до н. э. перевозку людей, сельскохозяйственных продуктов и строительных материалов на большие расстояния. В Закавказье имеется также серия подлинных деревянных повозок, сохранившихся благодаря консервирующим свойствам воды в курганных погребениях Бедени, Триалети, Севана. Однако самая ранняя из этих находок (Бедени) датируется уже рубежом III—II тыс. до н. э.

Наблюдается продолжающаяся эволюция жатвенных орудий. Составные серпы, первоначально лишь слегка закругленные, на протяжении III тыс. до н. э. постепенно приобретают изогнутую форму. Значительно совершенствуется форма и характер обработки самих вкладышей: их лезвия теперь оформлены тонкой и мелкой ретушью. Следы сработанности особенно заметны на средних вкладышах, на которые падала основная нагрузка во время жатвы. Сами вкладыши встречаются в поселениях в изобилии. В одном только слегка затронутом раскопками Мингечаурском поселении зафиксировано 370 экземпляров⁵⁰. Из вкладышей Хизанаант-гора можно было бы изготовить десятки серпов⁵¹. В Квачхелеби вкладыши составили 30% всех каменных орудий⁵². Более того, и это очень важно, в этот период начинают входить в употребление металлические серпы (Гарии, Амиранис-гора, Кюль-тепе, Караз, Хизана-

⁴⁷ H. Frankfort, *Archaeology and the Sumerian problem*, Chicago, 1932, рис. 3g

⁴⁸ З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг, указ. соч., стр. 98.

⁴⁹ Т. С. Хачатрян, указ. соч., рис. 35.

⁵⁰ Г. Асланов, Р. Вандов, Г. Нопе, *Древний Мингечаур*, Баку, 1959, табл. III—VI.

⁵¹ К. Х. Кушнарeva, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., рис. 28, 3; 36, 26; 36, 20.

⁵² Л. Н. Глonti, *Поселение куро-араксинской культуры* (автореферат канд. дисс.), Тбилиси, 1970, стр. 18.

ант-гора)⁵³, которые, как предполагают, непременно сопутствуют пашенному способу обработки земли⁵⁴. Обнаружение в Аричском поселении глиняной формы для отливки серповидных срудий⁵⁵ указывает на то, что они местные, а не привозные. Форма металлических серпов со временем видоизменяется в том же направлении⁵⁶. Продуктивность их стоит в непосредственной зависимости от таких показателей, как соотношение высоты дуги лезвия и ее основания, положения дуги и крутизны изгиба лезвия. Особенно важен последний признак: высокой производительностью отличаются бронзовые серпы, крутизна изгиба лезвия которых доходит до 40—50°⁵⁷.

В связи с исследуемой проблемой нельзя не отметить резкого нарастания масштабов закавказских поселений III тыс. до н. э., особенно основанных в земледельческих районах. В них должно было быть сконцентрировано большое население, обеспечение которого зерном было под силу лишь технически относительно развитому аграрному хозяйству. Поселение Арич, например, которое находилось в области древнего Ширака, служившего житницей Армении на протяжении всей ее истории, занимало площадь в 12 га. Это был крупный центр сельскохозяйственной округи. Напомним, что такую же площадь занимал анатолийский Чатал-Гуюк. В последнем, по подсчетам Дж. Мелларта⁵⁸, умещалось не менее 900—1000 домов. Если считать, что в каждом стандартном доме проживала малая семья, численность которой, судя по этнографическим материалам, проконтролированным данными шумерских источников⁵⁹, состояла из 5—6 человек, то общее количество жителей Чатал-Гуюка достигало 4500—6000 человек. Примерно такие же стандартные дома открыты в Ариче. Будущие раскопки, безусловно, выявят характер планировки этого крупнейшего для своего времени поселения. Однако если даже допустить, что застроенная площадь здесь была меньшей, чем в Чатал-Гуюке, а какая-то часть поселения — как, скажем, в Амирапис-гора, Шагламах II, Верхнем Гунибе, Мешоко и др. — использовалась под зимнее содержание скота, факт концентрации в Ариче населения в 2—3 тысячи человек не вызывает сомнения. Исходя из принятых для древних обществ норм потребления зерна на человека, для прокорма этого количества людей было необходимо обработать и засеять минимум 1300—1700 га земли. Логично думать, что такая работа должна была осуществляться с

⁵³ К. Х. Кушнарeva, Т. II Чубинишвили, указ. соч., рис. 42, 27.

⁵⁴ Е. II. Крупнов, Археологические памятники Ассинского ущелья, «Труды Гос. исторического музея», XII, 1941, стр. 193.

⁵⁵ Т. С. Хачатрян, указ. соч., рис. 14.

⁵⁶ Т. С. Хачатрян, Орудия эпохи поздней бронзы и раннего железа Армении, «Труды Гос. исторического музея Армении», т. V, Ереван, 1959.

⁵⁷ В. II. Левашова, Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., «Тр. ГИМ», вып. 32, М., 1956, стр. 60.

⁵⁸ J. Mellaart, Catal Huyuk, A Neolithic Town in Anatolia, London, 1967.

⁵⁹ II. М. Дьяконов, О площади и составе населения шумерского «города-государства», ВДИ, 1950, № 2, табл. 1.

помощью более эффективных, нежели в предшествующий период, пахотных орудий.

Яркий материал по рассматриваемой проблеме дают некоторые памятники культового значения, уяснение идейной сущности которых стало возможным лишь при обращении к этнографическим данным. Это, в первую очередь, небольшие глиняные «доски» с рельефами из Верхнегунибского поселения, а также недавно открытая модель алтаря из упоминавшегося уже поселения Арич в Армении. Оба памятника датируются примерно второй половиной III тыс. до н. э.

Описываемые гунибские предметы, найденные в жилых помещениях, были топографически привязаны к глинобитным печам-«корам» и предназначались как для декоративного украшения стен, так и для нанесения узора на выпекаемый в печах хлеб⁶⁰. Они покрыты рельефами, различные комбинации которых сводятся к парным роговидным налепам в сочетании с рядами параллельных линий. Как прекрасно показала В. М. Котович, здесь изображены парные быки-букрагии и пашня. В целом вся композиция в сильно стилизованной манере передает сцену пахоты с помощью парной запряжки быков, а точнее — обрядовую сцену проведения первой борозды. С этими рельефами сливается символика миниатюрного глиняного алтаря из святилища в Ариче⁶¹.

Алтарь имеет два отростка, бесспорно имитирующих рога быка. Фасадная часть покрыта процарапанными линиями и точками, которые трактуются исследователем этого поселения как обработанное сохой и засеянное поле. Если к этому прибавить большое количество роговидных алтарей и глиняных фигурок бычков, находимых в синхронных закавказских поселениях, то станет очевидным, что культ быка-земледельца, тянувшего пахотное орудие, уже в III тыс. до н. э. занял почетное место в сложном комплексе верований и обрядов древнего населения Кавказа. Проникновение в сферу явлений надстроечного порядка сюжета, связанного с почитанием быка и пашни, может быть истолковано как дополнительный аргумент в пользу наших выводов, ибо, как известно, культы лишь закрепляют достижения в экономике.

Наконец, древность пашенного земледелия на Кавказе как будто подтверждается и данными лингвистики. Известно, например, что ряду дагестанских языков присущи термины, восходящие к единому праязыку, который существовал, как утверждают языковеды, не позднее III тыс. до н. э.⁶² Для установления глубинных истоков местного пашенного земледелия чрезвычайно важны следующие данные: в числе других слов

⁶⁰ В. М. Котович, Верхнегунибское поселение, Махачкала, 1966, рис. 57, стр. 164.

⁶¹ Т. С. Хачатрян, указ. соч., рис. 38.

⁶² Е. А. Бокарев, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961, стр. 17; В. Г. Котович, О хозяйстве населения..., стр. 10.

с древнейшими корнями местного происхождения имеются названия легкого горского пахотного орудия⁶³, ярма, пашни, упряжного быка⁶⁴.

Все эти археологические и экономические показатели, взятые вместе, дают возможность с большей достоверностью говорить о достаточно развитом пахотном земледелии на Кавказе в III тыс. до н. э. Естественно, что этому этапу должен был предшествовать длительный период внедрения древнейших пахотных орудий, который, по нашим предположениям, охватывал время по меньшей мере с конца V до конца IV тыс. до н. э.

Значение этого величайшего технического новшества, открывшего древним племенам передневносточного мира широкие перспективы для экономического прогресса, трудно переоценить. Внедрившись в аграрное хозяйство кавказских земледельцев примерно около 6 тысяч лет назад, открытие это оставило глубокий след в языках, легендах, сказаниях и обрядах многих народов, доживающих в отдельных случаях вплоть до современной этнографической действительности.

Исключительный интерес в этом плане представляет записанная сравнительно недавно одна сванская легенда, в которой нашел своеобразное преломление момент превращения быка в послушное животное, тянущее древнее пахотное орудие. Легенда эта гласит: «Однажды Джгыраг сказал Пусду: «Я привяжу к быку бечевку; если животное разорвет ее, пусть тогда бык остается (по-прежнему) твоим, но если он не сможет этого сделать, тогда пусть принадлежит мне». Пусд согласился, подумав: «Разве возможно, чтобы бык не смог разорвать тонкой бечевы? А если он не в состоянии это сделать, то на что мне нужен такой (бесильный) бык?» Джгыраг завязал бечевку быку. Много старался бык, но не смог разорвать ее. Разгневанный Пусд ударил его своим посохом и расколол ему копыта надвое. С того дня появились двукопытные быки»⁶⁵. Джгыраг, как известно, олицетворял древнегрузинское божество луны, покровительствующее земледелию, а Пусд первоначально являлся божеством — хозяином крупного рогатого скота.

С этого времени культ пашни и связанного с ней быка-земледельца, несущего благополучие древнему общиннику, становится предметом постоянного почитания, что запечатлено в серии древних памятников Кавказа. Среди последних сюжетную близость арическому и верхнегунбским изображениям обнаруживает композиция на знаменитом самтаврском поясе, относящемся, правда, к концу II тыс. до н. э. Недавно идей-

⁶³ А. И. Генко, О названиях «плуга» в северо-кавказских языках, «Доклады АН СССР», Л., 1930, вып. 7, стр. 132; З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг, указ. соч., стр. 94.

⁶⁴ С. М. Хайдаков, Очерки по лексике лакего языка, М., 1961, стр. 11, 24.

⁶⁵ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 222.

ная сущность этой композиции была «прочтена» Н. Е. Урушадзе⁶⁶. Ее концепция сводится к тому, что каждая из трех повторяющихся фигур быков, несущих на себе символические атрибуты земледельческих орудий, условно передает один из главных этапов земледелия — вспашку, сеяние, боронование и сбор урожая. Таким образом, на самтаврском поясе, с точки зрения Н. Е. Урушадзе, условно переданы образы «быка-пахаря», «быка-сеятеля», являющегося одновременно и «бороющим быком» и «быком-собирателем урожая». В расшифровке этого сложного и крайне условного сюжета весьма существенную помощь оказывает пережиточный этнографический материал, имеющий, как теперь выясняется, глубокие исторические традиции. Весьма любопытно, что названные ипостаси быка, например, находят отражение в формах ритуальных хлебов, выпекавшихся вплоть до недавнего времени к сванскому аграрному празднику Лилашуне («лаши» — семя); они изображают быков, пахущих волов, бороющих волов, рога, лемех, ярмо, борону⁶⁷.

Культ пашни, один из древнейших аграрных культов многих земледельческих народов, был повсюду окутан различными таинствами и обрядами. С глубокой древности в странах, где пашенное земледелие было основой хозяйства, ежегодное начало работ сопровождалось праздником «выхода плуга» или «первой борозды». Особое значение этого события подчеркивалось тем, что открытие земледельческого календаря — удар мотыгой, проведение первых борозд в поле — осуществлялось правителем той или иной страны или высоким должностным лицом. В Египте это был фараон, в Китае — император, в других странах — духовный глава или наиболее почитаемое лицо⁶⁸. В Шумере это был царь:

«Когда мой праздник празднуют
В поле в (месяце) Шунумун,
Царь (сам) режет быков для меня,
Убивает несчетное множество овец для меня,
Разливает пиво в сосуды...
Царь держит меня за рукоятку,
Запрягает моих быков в ярмо,
Вся знать идет рядом со мной»⁶⁹.

Так похваляется Плуг в «Споре между Мотыгой и Плугом».

Можно предположить, судя по сценам пахоты на ритуальных «досках» из Гуниба и на алтаре из Арича, что какие-то близкие по своей идейной сущности церемонии, связанные с обрядовой вспашкой поля, совершались в среде кавказских племен уже в III тыс. до н. э.

⁶⁶ Н. Е. Урушадзе, Опыт художественного образного анализа бронзового пояса из Самтавра, СА, 1970, № 1, стр. 67.

⁶⁷ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., стр. 192, табл. XXV—XXVI.

⁶⁸ «Возникновение и развитие земледелия», М., 1967, стр. 32; Г. Ф. Чурсин, Очерки по этнологии Кавказа, Тифлис, 1913, стр. 50—54.

⁶⁹ С. Крамер, указ. соч., стр. 96.

Очевидно, этим праздником, ставшим традиционным в частности в дагестанском этническом массиве, ежегодно открывался «календарь земледельца» и в средневековье, на что указывает находка бронзового зеркала из горного Дагестана (V—VII вв), на оборотной стороне которого изображена обрядовая вспашка поля⁷⁰. Эта древнейшая традиция, как бы освящающая годовой аграрный цикл, от результатов которого зависело благополучие земледельца, доживает в той же этнической среде вплоть до современной этнографической действительности и ежегодно воплощается в празднике «первой борозды» или празднике «выхода первого плуга», широко распространенном у народов Дагестана⁷¹. У андийцев праздник «запряжки быков» устраивался целым аулом. «К этому дню крестьяне собирали зерно, резали скот и готовили обильное жертвоприношение. Один из мужчин считался «хозяином праздника». Он играл большую общественную роль и часто угощения устраивал за свой счет. Обряд запряжки быка происходил на каком-либо пахотном участке аула. Быков, запряженных в пахотное орудие, покрывали шелковыми попонами, на рога вешали кольцообразное печенье. Роль пахаря выполнял обычно наиболее удачливый хозяин. Он проводил несколько борозд. Присутствующие мальчишки бросали в него комки земли, камни, шапки; считалось, что это может вызвать обильный урожай. После обряда пахоты здесь же на поле происходили скачки, разыгрывались призы, одаривались победители. Заключительным моментом праздника были пиршества, в устройстве которых проявлялись коллективные традиции складчины и которые организовывались в надежде умиловить силы природы»⁷².

Примерно те же древнейшие традиции отразились в пережиточных обрядах, совершавшихся вплоть до недавнего времени в некоторых уголках Грузии. Как известно, согласно древнегрузинскому языческому календарю, новый год у грузин совпадал с началом цикла аграрных работ⁷³. При этом человек, который выступал в качестве новогоднего правителя, назывался «меквле», т. е. проводящий первую борозду⁷⁴. В этом неожиданном названии, по-видимому, отложилась та первоначальная функция, которую когда-то выполняло почетное лицо, ежегодно открывающее земледельческий календарь.

Так глубинные традиции, связанные с землепашеством, преломились в современной этнографической действительности некоторых народов Кавказа.

⁷⁰ В. Г. Котович, Археологические работы в горном Дагестане, «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1961, стр. 47, рис. 28, 3.

⁷¹ Г. Ф. Чурсин, Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана, «Известия Кавказского историко-археологического института», т. V, Тифлис, 1927, стр. 43.

⁷² З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг, указ. соч., стр. 92.

⁷³ Н. А. Брегадзе, К вопросу о локализации ареала первичных очагов земледелия в Грузии, — «Советская этнография», 1975, № 4, стр. 73.

⁷⁴ Сведения об этом мне сообщила этнограф Н. А. Брегадзе, за что выражаю ей благодарность.

ՀԱՐԱՎԱՅԻՆ ԿՈՎԿԱՍՈՒՄ ՎԱՐԵԼԱՀՈՂԱՅԻՆ ԵՐԿՐԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ
ՍԿԶԲԵԱՎՈՐՄԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿԻ ՄԱՍԻՆ

(հարցի դրվածքի շուրջը)

Կ. Ք. ՔՈՒՇԵԱՐՅՈՎԱ (Լենինգրադ)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Մինչև վերջերս ընդունված էր, որ մ. թ. ա. III հազարամյակում Կովկասը ապրում էր վարելահողային երկրագործության ներդրման շրջան: Վաղ երկրագործական բնակավայրերին առնչվող անդրկովկասյան նյութը ստիպում է վերանայել այդ ժամկետը: Հարցի լուծման համար անհրաժեշտ է ներգրավել ոչ միայն հնագիտությանը, այլև պալեոբուսաբանությանը, պալեոտնտեսագիտությանը, լեզվաբանությանը, ազգագրությանը, բանահյուսությանը վերաբերող նյութեր:

Ի մի բերված զանազան տվյալները (ոռոգվող հողագործության առկայությունը, քաշող ուժի օգտագործումը, հին արտոնների պատկերները և այլն) թույլ են տալիս պնդել, որ Առաջավոր Ասիայում վարելահողային երկրագործությունը սկզբնավորվել է մ. թ. ա. V հազարամյակում: Ըստ վերջերս հայտնաբերված հնագիտական տվյալների (արհեստական ոռոգում, քաշող ուժի օգտագործում, մանգաղների կորույթյուն, մշակվող հացահատիկների բաղմաղանություն և այլն) պարզվում է, որ վարելու սլարդունակ գործիքները Հարավային Կովկասում հանդես են գալիս մոտավորապես նույն շրջանում: Անուղղակի կերպով այս տեսակետը հաստատում են նաև լեզվաբանական և ազգագրական տվյալները: